

Р. Ю. Федоров

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ БРАЧНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ И СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ БЕЛОРУССКИХ КРЕСТЬЯН-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ¹

В статье рассмотрены идентификационные аспекты брачных предпочтений и свадебной обрядности потомков белорусских крестьян-переселенцев второй половины XIX – начала XX вв., проживающих на территории Сибири и Дальнего Востока. Опираясь на сравнение результатов современных полевых исследований в районах компактного проживания переселенцев и этнографических описаний, сделанных в местах их выхода, рассмотрены особенности сохранения и трансформации свадебных обычаев. Свадебная обрядность белорусских переселенцев имела общеславянскую основу и типологически близка к ее южнорусскими и украинскими вариантам. На территории Азиатской России, благодаря тесным контактам разных групп переселенцев в первой половине XX в., можно наблюдать примеры синтеза различных локальных вариаций свадебной обрядности. Установлено, что сам по себе момент выбора брачного партнера из своей переселенческой группы или из представителей внешнего этнического окружения во многом определял дальнейшую стратегию этнокультурной идентичности отдельной семьи, которая, в свою очередь, оказывала влияние на идентичность всего локального сообщества, которому она принадлежала. Помимо этого, сделан вывод о том, что трансформации свадебной обрядности определенной переселенческой группы можно рассматривать в качестве своеобразных маркеров, отражающих происходившие внутри нее процессы ассимиляции и межэтнической интеграции, а также модернизации жизненного уклада. В период с 1920-х по 1940-е г., несмотря на сохранение традиционной основы свадебной обрядности всех восточных славян, проживавших на территории Сибири и Дальнего Востока, многие ее компоненты начали упрощаться или редуцироваться. В послевоенный период, ввиду возникшего демографического кризиса, окончательно утратил былое значение выбор брачных партнеров по земляческому принципу. Начиная с 1950–60 гг. в свадебную обрядность сельских жителей все чаще стали проникать ее особенности, сложившиеся к тому времени в городской среде. В то же время, в начале XXI в. можно проследить ностальгический интерес отдельных людей к реконструкции определенных элементов традиционной свадебной обрядности, которые чаще всего носят стилизованный характер.

Ключевые слова: *свадебная обрядность, брачные предпочтения, белорусы в Сибири и на Дальнем Востоке, крестьянские переселения, этнокультурная идентичность, межэтнические взаимодействия.*

Введение

Изучение свадебной обрядности восточнославянских крестьян-переселенцев второй половины XIX – начала XX в., проживающих на территории Сибири и Дальнего Востока, связано с обращением к ряду специфических исследовательских проблем. К ним можно отнести выявление механизмов сохранения и трансформации определенных обрядовых и фольклорных компонентов, привнесенных из мест выхода переселенцев, а также изучение заимствований у нового этнического окружения. При этом особенности свадебной обрядности определенной переселенческой группы можно трактовать в качестве важных маркеров ее этнокультурной идентичности. В первую очередь это связано с тем, что если рассматривать семью в качестве своеобразной ячейки этнокультурной общности, то именно момент ее создания во многом предопределяет дальнейшие процессы сохранения, заимствований или модернизации внутри нее многих элементов традиционной культуры.

¹ Работа выполнена по госзаданию ИПОС ТюмНЦ СО РАН, проект № АААА-А17-117050400150-2 и при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18-09-00028).

Настоящая статья посвящена изучению идентификационных аспектов брачных предпочтений и свадебной обрядности потомков белорусских крестьян-переселенцев второй половины XIX – начала XX в., проживавших на территории Сибири и Дальнего Востока и относивших себя к православному вероисповеданию.

На сегодняшний день мы располагаем целым рядом описаний различных аспектов свадебной обрядности белорусских переселенцев, большинство из которых были сделаны в последней трети XX – начале XXI в. География этих исследований покрывает большую часть регионов Азиатской России, на территорию которых активно велись крестьянские переселения, тем самым давая возможность проследить как общие тенденции, так и некоторые локальные особенности в сохранении или трансформациях свадебных обрядов. Так, на основе обобщения полевых материалов, собираемых с конца 1980-х гг., Л. В. Деминой были сделаны описания свадебной обрядности у потомков белорусских переселенцев, проживающих на юге Тюменской обл. (Демина, 2008, 2013). Свадебный фольклор белорусских переселенцев Омской обл. был исследован Т. Г. Леоновой, Е. П. Малаховой и др. (Леонова, 1974, 2001; Малахова, 2008). Обобщающие исследования традиционных элементов свадебной обрядности белорусов, проживающих на территории Новосибирской обл. и ряда сопредельных регионов были сделаны Е. Ф. Фурсовой (Фурсова, 2000, 2008, 2011). Значительная часть материалов белорусского тома из серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», связана со свадебным фольклором переселенцев (Фольклор белорусов, 2011). На территории Приморского края, свадебная обрядность белорусских переселенцев стала предметом исследований Л. Е. Фетисовой (Фетисова, 2002), также эту тему частично рассматривала в своих работах Ю. В. Аргудяева (Аргудяева, 1997). В ходе этнографических экспедиций, проведенных в период с 2009 по 2019 г. на территории Тюменской, Иркутской и Амурской областей, а также Красноярского и Хабаровского края нами были зафиксированы рассказы о свадебной обрядности у представителей второго и третьего поколений потомков белорусских переселенцев, рожденных в 1910-е – 1950-е гг. Полевые материалы, собранные в разное время на территории Сибири и Дальнего Востока, были сопоставлены с этнографическими описаниями, сделанными в конце XIX – начале XX в. в местах выхода переселенцев, а также с работами ряда современных белорусских и сибирских этнологов. Это дало возможность использовать в методологии исследования сравнительно-исторический и типологический подходы, позволившие выявить отличительные черты и динамику трансформаций отдельных элементов свадебной обрядности белорусских крестьян-переселенцев.

Основной методологической проблемой изучения типологических особенностей традиционной свадебной обрядности белорусов является высокая степень ее региональной и локальной вариативности, благодаря которой во многих случаях невозможно выделить какие-либо строго очерченные инварианты бытования ее базовых компонентов. На территории Сибири и Дальнего Востока данная ситуация осложнилась взаимопроникновением традиций различных территориально-этнографических групп восточных славян. Поэтому, можно говорить лишь о ряде общих, но часто варьирующих структурных особенностей свадебной обрядности белорусских переселенцев, а также сопровождавших ее народной терминологии и фольклора.

Брачные предпочтения и этнокультурная идентичность белорусских переселенцев

Большинство представителей первых поколений белорусских крестьян, поселившихся в Сибири и на Дальнем Востоке, предпочитали браки с земляками. При этом благодаря внутреннему характеру миграций и тому, что этническое самосознание белорусских крестьян на тот момент еще не было окончательно сформировано, среди них преобладала региональная идентичность, в соответствии с которой они отождествляли себя с «могилевскими», «витебскими» и т.д. (Федоров, 2017). Особенности типов расселения во многом определяли этно-

культурные особенности брачного выбора переселенцев. К примеру, в Баяндаевском р-не Иркутской обл., на территории которого белорусами были основаны деревни Тургеневка, Толстовка и Лидинская «тургеневские женились на лидинских, лидинские на толстовских и т.д.» (ПМА, д. Тургеневка Баяндаевского р-на Иркутской обл.). Аналогичная ситуация была характерной и для целого ряда других обследованных нами районов Сибири, на территории которых сформировались кусты белорусских переселенческих деревень. Примечательно, что за более чем столетнюю историю существования подобных кустов деревень, значительная часть их населения состоит в той или иной степени родства. Данная ситуация наглядно демонстрирует то, как семейно-родовое начало постепенно начинает играть важную интегрирующую роль в этнокультурной идентичности этой модели переселенческой общности.

В ряде переселенческих деревень выходцы из разных мест могли компактно селиться на разных улицах или концах деревни. В этом случае между ними часто складывались свои системы сватовства. К примеру, в д. Андрюшино Куйтунского р-на Иркутской обл. переселенцы из Гродненской и Витебской губерний жили на разных краях деревни. С момента переселения вплоть до 1960-х гг. свататься предпочитали исходя из принципа «этот край на тот край» (ПМА, д. Андрюшино Куйтунского р-на Иркутской обл.).

В тех районах, где белорусы проживали в непосредственной близости от русских старожилов – чалдонов, примеры неодобрения родителями их совместных браков можно было встретить еще в 1950-е гг. Традиционно невеста после свадьбы отправлялась жить в семью жениха. В редких случаях, когда семья жениха была многочисленной и малоземельной он шел «ў прыймы», поселяясь в семье невесты (Довнар-Запольский, 1888: 5). На территории Белоруссии примачами также нередко становились отставные солдаты, бобыли или немолодые мужчины, которые женились на вдовах. В Сибири были нередки случаи, когда жених мог поселиться в доме невесты из-за неодобрения брака его родителями, в котором решающую роль могли играть этнокультурные мотивы: *«Вот моя сестра пошла за челдона, а его matka – "не надо за самоходку-лапотонку". Его родители не пустили в дом невесту, и он як примак жил. Я тоже вышла в 18 лет, приняла примача себе»* (ПМА, д. Еловка Викуловского р-на Тюменской обл.).

Собранные нами полевые материалы указывают на то, что в смешанных деревнях, которые были основаны во времена аграрной реформы П. А. Столыпина, браки между восточнославянскими переселенцами из разных регионов России, Украины и Белоруссии начали совершаться уже среди второго поколения переселенцев. Браки между представителями разных национальностей получили распространение в 1930–40 гг. когда многие основанные переселенцами хутора и небольшие деревни ликвидировались, а их жителей переселяли в крупные поселки, в которых создавались колхозы и совхозы. При этом помимо русских и украинцев, белорусы нередко вступали в совместные браки с поляками, латышами, литовцами и представителями других народов, отличавшихся по вероисповеданию. Многие информаторы отмечают, что после серьезного демографического провала, возникшего после Великой Отечественной войны, в их семьях окончательно перестали обращать внимание на национальную принадлежность будущего супруга.

Идентификационные аспекты типологических особенностей свадебной обрядности белорусских переселенцев

В структуре свадебной обрядности белорусских переселенцев можно выделить предсвадебный этап (в него входили сватовство и заручины), дни, в которые происходило основное свадебное действие и послесвадебный период, который чаще всего называли словом «перезов» (бел. – *пярэзвы*). В западной и юго-западной Белоруссии основное свадебное действие чаще всего обозначалось словом *вяселле*, в восточной и северо-восточной Белоруссии наряду с ним использовалось слово *свадзьба* (Этнография восточных славян, 1987: 400). В Сибири и на

Дальнем Востоке, среди представителей первых поколений белорусских переселенцев фиксировалось употребление слова *вяселле*, однако во многих районах слово «свадьба» имело более широкое распространение, как ввиду преобладания выходцев из восточных губерний Белоруссии, так и благодаря тому, что потомки переселенцев все чаще стали использовать названия обрядов жизненного цикла, которые были общепринятыми в русском языке.

Исследователи белорусской свадебной обрядности отмечали характерную для нее терминологическую путаницу, включающую нередкое обозначение одним определенным термином ее разных компонентов. К примеру, под терминами *змовіны*, *заручыны*, *пасады*, *пастрижэнне волас* нередко подразумеваются разные по происхождению, цели и ритуалу обряды (Никольский, 1956: 41). На территории Сибири и Дальнего Востока данная ситуация лишь усугубилась, как благодаря смешению различных локальных традиций, так и ввиду упрощения и редукции многих элементов свадебной обрядности. Этим можно объяснить несогласованность значений отдельных терминов, которая нередко встречается в полевых материалах, собранных на территории азиатской части России.

Д. К. Зеленин отмечал типологическую схожесть белорусских, украинских и южнорусской свадебной обрядности, противопоставляя их средне- и севернорусскому подтипам (Зеленин, 1991: 333). Это предположение впоследствии получило свое подтверждение в исследованиях К. В. Чистова (Чистов, 1979). Данная ситуация нашла свое отражение в стереотипах восприятия различий свадебных традиций у восточнославянского населения Сибири и Дальнего Востока. Так, обобщая результаты фольклорно-этнографических полевых исследований, проводимых на территории Тюменской обл., Л. В. Демина выделяет старожильческую (основанную на доминировании севернорусских влияний) и новопоселенческую (с преобладанием южнорусских, украинских и белорусских вариаций) традиции свадебной обрядности, сохранившиеся в аграрной среде этого региона (Демина, 2008). В Приморском крае, Л. Е. Фетисова отмечала доминирование региональной версии обрядово-фольклорных традиций гомельско-брянско-черниговского пограничья (Фетисова, 2002: 73).

Первые систематические исследования свадебной обрядности белорусов, были сделаны во второй половине XIX – начале XX вв. М. В. Довнар-Запольским, М. Федоровским, В. Н. Добровольским, Е. Р. Романовым, П. В. Шейном, Д. К. Зелениным и рядом других этнографов того времени (Довнар-Запольский, 1888; Федароўскі, 1991; Добровольский, 1893; Романов, 1912; Шейн, 1902; Зеленин, 2001). Учитывая тот факт, что по своим хронологическим рамкам эти работы совпадают с периодом массовых крестьянских переселений белорусов на территорию Сибири и Дальнего Востока, сегодня их можно рассматривать в качестве эталонных этнографических описаний, которые дают представление об особенностях свадебной обрядности в местах выхода переселенцев. Исследования второй половины XX – начала XXI в. существенно расширили осмысление типологических, функциональных и семантических особенностей свадебной обрядности белорусов (Никольский, 1956; Мицкевич, 1966; Пилипенко, 1970, Вяселле, 1978, Палескае вяселле, 1984, Тяпкова, 2013 и др.).

На фоне многообразия локальных вариаций белорусского свадебного обряда, Н. М. Никольский выделял два его базовых варианта – *каравайный* и *столбовой* (Никольский, 1956: 32–36). Каравайный (коровайный) обряд был типичен для большинства регионов Белоруссии, тогда как столбовой имел значительно меньшее распространение и был локализован преимущественно в пределах территории Витебщины, Смоленщины и Ржевщины (Никольский, 1956: 31). Среди потомков белорусских крестьян-переселенцев, проживавших на территории Сибири и Дальнего Востока, был преимущественно исследован каравайный вариант обряда. Это обстоятельство связано с несколькими факторами. В первую очередь к ним можно отнести то, что значительная доля переселенцев происходила из юго-восточных районов Белоруссии, для которых был характерен именно этот тип обряда. В то же время, ввиду того, что существенная часть ареала бытования столбового варианта приходится на территорию современных Смоленской и Тверской областей Российской Федерации, переселенцы из них далеко не всегда

идентифицировались как белорусы, благодаря чему они часто не попадали в поле зрения посвященных им исследований.

Подготовительный этап свадебного комплекса включал в себя процесс сватовства и достижения предварительного соглашения, касавшегося условий брака. По существовавшей традиции в сваты, как правило, выбирали уважаемых родственников или соседей (Довнар-Запольский, 1988: 8). Однако, в зафиксированных в Сибири рассказах, относящихся к первой половине XX в., можно встретить упоминания о том, что функцию сватов нередко стали выполнять родители жениха. Во время полевых исследований нами фиксировались рассказы, в которых уже в 1920-е гг. в среде белорусских крестьян-переселенцев жених сам делал предложение невесте, хотя разрешение на брак отца невесты в этом случае продолжало играть принципиальную роль. В послевоенное время во многих деревнях традиции сватовства окончательно стали утрачивать былое значение.

Следующим важным элементом традиционной свадьбы белорусов были *заручины* или *запоіны* аналогичные сговору или рукобитью в русской свадьбе (Федароўскі, 1991: 23). Следует отметить изначально существовавшую на территории Белоруссии терминологическую неустойчивость элементов предсвадебного периода. Н. М. Никольский выделял в нем *запоіны* – обряд, освящающий и закрепляющий брачное соглашение, а также *змовіны* – окончательный сговор на котором определяются условия и сроки проведения свадьбы (Никольский, 1956: 43). В сибирских описаниях белорусской свадьбы *змовинами* могло закончиться благополучно состоявшееся сватовство (Фольклор белорусов, 2011: 469). Л. Е. Фетисова отмечала, что у восточнославянского населения Приморского края под *заручинами* часто подразумевался весь предсвадебный период за исключением сватовства (Фетисова, 2002: 49).

Ввиду удаленности в Сибири и на Дальнем Востоке некоторых деревень от храмов, а также в связи с государственной политикой атеизма, начатой в 1920-е гг., эпизод венчания постепенно стал выпадать из свадебной обрядности. Обобщая полевые материалы, собранные на территории Приморского края, Л. Е. Фетисова пришла к выводу, что в глазах сельского сообщества юридическую силу имело именно коллективное пиршество вкупе с предшествовавшими ему обрядовыми действиями. При этом в некоторых случаях из-за отсутствия поблизости церкви обряд венчания супругов мог быть отложен на длительный срок и даже совпасть с крещением первого ребенка (Фетисова, 2002: 63).

М. В. Довнар-Запольский отмечал, что беднейшие крестьяне могли справлять *вяселле* в одном доме, однако в большинстве случаев белорусы старались придерживаться традиции, в соответствии с которой празднование проходило в домах жениха и невесты. Белорусские переселенцы, проживавшие на территории Сибири и Дальнего Востока, первоначально также по возможности поддерживали традицию проведения свадьбы в домах жениха и невесты, однако с 1920–30-х гг. все чаще встречаются упоминания о том, что свадьбу могли справлять лишь в одном доме из-за стесненных материальных обстоятельств или постепенного отступления от традиций.

Большинством исследователей белорусской свадебной обрядности отмечалась высокая вариативность составных элементов *вяселля*, а также нередкое отсутствие их строгой последовательности. Это обстоятельство обусловлено как локальными различиями свадебной обрядности, сложившимися в разной местности, так и индивидуальными обстоятельствами. К примеру, если свадьба проходила только в доме жениха, многие ее обрядовые элементы редуцировались. В целом, большинство традиционных элементов *вяселля* (преодоление ряда препятствий женихом в доме невесты посредством выкупов, обмен дарами между сторонами жениха и невесты, посад невесты, выкуп и расплетение косы, демонстрация невинности невесты, обрядовые игры и т.д.) имел общеславянскую основу. В то же время, в праздновании *вяселля* белорусскими переселенцами можно проследить ряд характерных особенностей и акцентов. К ним можно отнести значительно меньшую, чем у русских старожилов вербальную актив-

ность невесты, чаще встречающиеся примеры посада невесты и жениха (по отдельности и вместе) на вывернутую шубу и квашню (дзезу), плетение венка для невесты, различия в мотивах и сюжетах свадебного фольклора, названиях обрядовых элементов и свадебных чинов и т.д. Отдельно следует выделить особое значение в традиционном свадебном обряде белорусских переселенцев каравай и свадебного деревца. На территории Белоруссии нередко практиковалось параллельное выпекание двух караваев в доме жениха и невесты (Никольский, 1956: 47). Сохранение подобной практики можно встретить и у потомков белорусских переселенцев, проживавших на территории Сибири (Малахова, 2008: 108; Демина, 2013: 157). В Белоруссии для приготовления каравая могли выбирать замужних женщин – каравайниц и помогавших им незамужних девушек – гусарниц. В одном из наиболее подробных описаний, сделанном М. Федоровским в 1878 г. на территории Волковысского уезда Гродненской губернии, традиции приготовления свадебного каравая сопровождалась сложным комплексом обрядовых действий и песен магического характера, которые трактовались в качестве сакрального момента, от которого зависело благополучие новой семьи (Федароўскі, 1991: 30–42). Воспоминания потомков белорусских переселенцев, относящиеся к первой половине XX в., указывают на то, что в Сибири традиции, связанные с караваем, значительно упростились и в большинстве случаев утратили многие обрядовые элементы, которые были зафиксированы на территории Белоруссии. К примеру, в д. Черчет Тайшетского района Иркутской обл. каравай накануне свадьбы в своем доме выпекала сама невеста, однако затем, вместе с приданым и подарками его увозили в дом жениха, где им угощали гостей. В Седельниковском р-не Омской обл. почетное право испечь каравай предоставлялось крестной матери (Малахова, 2008: 108). Со временем, в некоторых деревнях белорусских переселенцев традиционный каравай начали заменять на стопку блинов, которую при этом продолжали называть «караваем» (Фурсова, 2013: 89). Свадебное деревце (бел. – вільце) многие исследователи считают элементом, который тесно взаимосвязан с караваем. К примеру, Д. К. Зеленин связывал появление свадебного деревца и каравая в традиционной культуре восточных славян с заимствованиями у греков (Зеленин, 1991: 333), хотя в более поздних этнографических исследованиях данное предположение неоднократно подвергалось критике и эти элементы стали все чаще рассматриваться в контексте архаических основ, которые являлись общими для традиционной культуры всех восточных славян (Фетисова, 2002: 51). В соответствии с описаниями Л. Е. Фетисовой, на территории Приморского края свадебное деревце называли «ельце». Его оформляли по-разному. Так, в некоторых деревнях ельце не имело самостоятельного значения и представляло собой ветку, воткнутую в каравай. В Чугуевском р-не Приморского края в качестве свадебного дерева использовали ель, которую срубали в лесу и устанавливали на праздничном столе (Фетисова, 2002: 51).

К. В. Чистов отмечал, что в советское время традиционный свадебный ритуал восточных славян переживал сходные трансформации. К ним он относил редукцию обрядового минимума, изживание его магических элементов или трактовкой их в игровом плане. Началом разрушения традиционных форм свадебной обрядности стали 1920–30-х гг. для которых было характерным изживание традиционного церковного венчания, утверждение гражданской санкции брака, значительное упрощение традиционной бытовой обрядности (Этнография восточных славян, 1987: 409–410).

В 1990–91 гг. этнологи и фольклористы из Института искусствознания, этнографии и фольклора им. К. Крапивы НАН Беларуси провели этнографические экспедиции на территории Западной Сибири, в ходе которых ими были исследованы трансформации исходной фольклорной традицией в свадебной обрядности белорусских крестьян-переселенцев. Исследователями было отмечено, что несмотря на сохранение бытования ряда характерных черт свадебной обрядности белорусов, в некогда строго регламентированном ритуале нарушилась последовательность и полнота исполнения обрядовых действий (Тяпкова, 2013: 66). К ним автор в первую очередь относил упрощение свадебного обряда путем объединения сразу нескольких

его эпизодов в один или исключения из него отдельных элементов. Также оказались утраченными многие фольклорные элементы свадебного обряда. Из бытования почти ушел обряд украшения свадебного деревца. Изменились функции некоторых свадебных чинов. В то же время, белорусские исследователи отмечали тот, что в смешанных поселениях активно происходил взаимообмен элементов свадебной обрядности (Тяпкова, 2013: 65).

Выводы

Исходя из предпринятого обзора, можно выделить следующий круг основных идентификационных аспектов брачных предпочтений и традиционной свадебной обрядности белорусских крестьян-переселенцев Сибири и Дальнего Востока.

Сам по себе, момент выбора брачного партнера из своей переселенческой группы или из представителей внешнего этнического окружения во многом определял дальнейшую стратегию этнокультурной идентичности создаваемой семьи, которая, в свою очередь, оказывала влияние на идентичность всего локального сообщества, которому она принадлежала. Помимо этого, особенности свадебной обрядности переселенцев можно рассматривать в качестве своеобразных косвенных маркеров их идентичности, а также родственных или отличительных черт по отношению к другим территориально-этнографическим группам. В этом плане свадебная обрядность белорусских переселенцев имеет много схожих типологических черт с ее южнорусскими и украинскими вариациями. На территории Азиатской России, благодаря тесным контактам переселенцев из разных регионов, данные черты нередко смешивались между собой. Примером этому может служить возникший в Западной Сибири своеобразный стереотип «новопоселенческих свадебных традиций» (Демина, 2013: 156). Наиболее отчетливо подобную интеграцию можно последить на Дальнем Востоке, ввиду преобладания там восточнославянского населения, проживавшего на территории русско-украинско-белорусском пограничья (Аргудяева, 2006: 27; Фетисова, 2002: 4–18). При этом свадебная обрядность значительной части русского старожильческого населения Сибири имела выраженную генетическую связь с севернорусскими традициями. К ним можно отнести различия в терминологии и фольклорном сопровождении свадьбы, имевшие распространение свадьбы «убёгом», наличие развернутых причитаний и величаний, вербальная активность невесты, обычай кладки, особое значение банных обрядов, приготовление курника или обычного хлеба вместо каравая и ряде других ключевых элементов свадебного обряда.

Трансформации свадебной обрядности также являются важным индикатором, отражающим процессы модернизации быта. В период с 1920-х по 1940-е гг., несмотря на сохранение традиционной основы свадебной обрядности восточных славян, проживавших на территории Сибири и Дальнего Востока, многие ее компоненты стали упрощаться или редуцироваться. В первую очередь это было связано с такими факторами, как начало государственной политики атеизма, в результате которой из свадебного комплекса все чаще стал выпадать обряд венчания, а также социальные и экономические потрясения времен Гражданской войны и коллективизации. В то же время, исследователи отмечали, что до второй половины XX в. свадебный обряд переселенцев в целом сохранял свои основные традиционные этапы и стержневые моменты (Фетисова, 2002: 47; Малахова, 2008: 104). В послевоенный период, ввиду возникшего демографического кризиса, в большинстве деревень, в которых проживали потомки белорусских переселенцев, начал утрачивать былое значение выбор брачных партнеров по земляческому принципу. На фоне этого наблюдались тенденции к взаимообмену свадебных традиций, характерных для представителей разных национальностей. Начиная с 1950–60 гг. в свадебную обрядность сельских жителей все чаще стали проникать ее особенности, сложившиеся к тому времени в городской среде. К ним можно отнести празднование свадьбы не дома, а в клубе или столовой, приглашение на нее не только близкого круга родственников, но и коллег по работе, проведение свадьбы специально приглашенным тамадой и т.д. В то же время, в начале

XXI в. можно проследить ностальгический интерес отдельных людей к реконструкции определенных элементов традиционной национальной свадебной обрядности, которые чаще всего носят стилизованный характер и лишены своего оригинального функционального и смыслового контекста.

Исходя из этого, трансформации брачных предпочтений и свадебной обрядности белорусских крестьян-переселенцев в целом отражают процессы их ассимиляции и межэтнической интеграции, а также модернизации их жизненного уклада, которые имели место в течение последних ста лет.

Список литературы:

- Аргудяева Ю. В.** Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е годы XIX в. – начало XX в.). – М.: Изд-во Института антропологии и этнологии РАН, 1997. – 314 с.
- Аргудяева Ю. В.** Восточные славяне на юге Дальнего Востока. – Владивосток: Изд-во. ДВГУ, 2006. – 239 с. Вяселле: абрад. – Мн.: Навука і тэхніка, 1978. – 635 с.
- Демина Л. В.** Современные подходы к изучению свадебного фольклора в Западно-Сибирском Зауралье // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2008. – № 5 (29). – С. 150–154.
- Демина Л. В.** Песенная культура русского населения юга Тюменской области. – Тюмень: Титул, 2013. – 284 с.
- Добровольский В. Н.** Смоленский этнографический сборник. – ч. 2. – СПб.: Типография С. Н. Худякова, 1893. – 443 с.
- Довнар-Запольский М. В.** Белорусская свадьба и свадебные песни. – Киев: Типография А. Давиденко, 1888. – 38 с.
- Зеленин Д. К.** Восточнославянская этнография. – М.: Наука, 1991. – 511 с.
- Леонова Т. Г.** Взаимодействие фольклорных традиций в сибирских селах со смешанным населением // Фольклор и литература Сибири. – Омск: Ом. пед. ин-т им. А. М. Горького, 1974. – С. 3–23
- Леонова Т. Г.** Традиции белорусской свадьбы в селах Омского Прииртышья // Славянские чтения. – Вып. VII–VIII. – Омск: Изд-во Ом. гос. унив., 2001. – С. 93–98.
- Малахова Е. П.** Фольклор сибирско-белорусской семьи в смене ее поколений: конец XIX – начало XXI в.: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.09. – Челябинск, 2008. – 186 с.
- Никольский Н. М.** Происхождение и история белорусской свадебной обрядности. – Минск: Изд-во АН БССР, 1956. – 273 с.
- Романов Е. Р.** Белорусский сборник. – Вып. 8–9. Быт белоруса. Словарь условных языков. – Вильна: Типография А. Г. Сыркина, 1912. – 723 с. Палескае вяселле. – Мн.: Універсітэцкае, 1984. – 303 с.
- Светачева У. В.** Духовная культура белорусских переселенцев по материалам этнографической экспедиции Минусинского музея им. Н. М. Мартыанова 2017 г. // Полевые исследования на Алтае, в Прииртышье и Верхнем Приобье (материалы XIII международной научно-практической конференции, Горно-Алтайск, 24–27 апреля 2018 г.). – Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. ун-т, 2018. – С. 279–283.
- Тяпкова Т. К.** Свадьба белорусских переселенцев в Сибири как характеристика этнического своеобразия // Традиционная культура белорусов во времени и пространстве. – Мн: Беларускае навука, 2013. – С. 64–67.
- Федароўскі М.** Люд беларускі. Вяселле. – Мн.: Польшыма, 1991. – 142 с.
- Федоров Р. Ю.** Трансформации этнического самосознания у потомков белорусских крестьян-переселенцев Сибири и Дальнего Востока // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 423. – С. 187–195.
- Фетисова Л. Е.** Белорусские традиции в народно-бытовой культуре Приморья. – Владивосток: Примор. краевая организация Добровольного общ-ва любителей книг России, 2002. – 240 с. Фольклор белорусов Сибири и Дальнего Востока. Ч. 1.: Семейно-обрядовые песни и причитания. – Новосибирск: Наука, 2011. – 548 с.
- Фурсова Е. Ф.** Традиционно-бытовые особенности культуры белорусов-переселенцев конца XIX – начала XX в. (по материалам этнографических экспедиций) // Белорусы в Сибири. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. – С. 102–124.
- Фурсова Е. Ф.** Семейно-свадебные и погребальные обычаи и обряды белорусских переселенцев Сибири // Белорусы в Сибири: сохранение и трансформации этнической культуры. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2011. – С. 50–87.

Фурсова Е. Ф. Особенности свадебных обрядов сибирских белорусов конца XIX–XX в. (по полевым материалам 1991, 1994 гг.) // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Материалы международной научной конференции. – Барнаул: Барнаульский государственный педагогический университет, 2008. – С. 341–344.

Чистов К. В. Типологические проблемы изучения восточнославянского свадебного обряда // Проблемы типологии в этнографии. – М.: Наука, 1979. – С. 223–230.

Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. – Т. 3. – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1902. – 535 с.

Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. – М.: Наука, 1987. – 558 с.

Федоров Р. Ю., кандидат философских наук, старший научный сотрудник.

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН.

Ул. Малыгина, 86, Тюмень, Россия, 675026.

E-mail: r_fedorov@mail.ru

Материал поступил в редакцию 18.02.2019 г.

R. Yu. Fedorov

IDENTIFICATION ASPECTS OF MARRIAGE PREFERENCES AND WEDDING CEREMONIALISM OF THE BELARUSIAN PEASANTS-MIGRANTS²

The article is devoted to identification aspects of marriage preferences and wedding ceremonialism of descendants of the Belarusian peasants-migrants of the second half of XIX – the beginning of the 20th centuries living in the territory of Siberia and the Far East of Russia. Based on comparison of results of modern field researches in areas of compact living of the migrants and ethnographic descriptions which have been made in places of their exit, the features of preservation and transformation of wedding rituals are considered. The wedding ceremonialism of the Belarusian migrants had an all-Slavic basis and is typologically close to its South Russian and Ukrainian versions. In the territory of Asian Russia, because of close contacts of different groups of migrants, in the first half of the 20th century it is possible to observe examples of synthesis of various local variations of wedding ceremonialism. It is established that the moment of the choice of the marriage partner from the own resettlement group or from an external ethnic environment in many respects defined the further strategy of ethnocultural identity of a family which had an impact on identity of all local community to which it belonged. Transformations of wedding ceremonialism of a certain resettlement group can be considered as the peculiar markers reflecting the processes of assimilation and ethnic integration as well as modernization of its way of life. During the period from the 1920th to the 1940th, despite preservation of a traditional basis of wedding ceremonialism of all East Slavs living in the territory of Siberia and the Far East, its many components began to become simpler or be reduced. During the post-war period, due to arisen demographic crisis, the choice of marriage partners in the ethnocultural principle finally lost its former value. Since 1950-60 the features of wedding ceremonialism which developed in the urban environment have been introduced into villagers. At the same time, at the beginning of the 21st century we can see the nostalgic interest of some people in reconstruction of certain elements of traditional wedding ceremonialism most of which often have the stylized way.

Key words: *wedding ceremonialism, marriage preferences, Belarusians in Siberia and in the Far East, peasant migrations, ethnocultural identity, ethnic interactions.*

² The research is supported by the State task IPDN SB RAS, project AAAA-A17-117050400150-2 and by RFBR (Grant Nr. 18-09-00028).

References:

- Argudyaeva Yu. V.** Krest'yanskaya sem'ya u vostochnyh slavyan na yuge Dal'nego Vostoka Rossii (50-e gody XIX v. – nachalo XX v.) [Peasant family at East Slavs in the south of the Far East of Russia (the 50th years of the 19th century – the beginning of the 20th century)]. – M.: Izdatel'stvo Instituta antropologii i ehtnologii RAN, 1997. – 314 p. (in Russian)
- Argudyaeva Yu. V.** Vostochnye slavyane na yuge Dal'nego Vostoka [East Slavs in the south of the Far East]. – Vladivostok: Izd-vo. DVGU, 2006. – 239 p. (in Russian)
- Cvirka K. A.** (ed). Vyaselle: abrad [Wedding: a ritual]. – Mn.: Navuka i tehkhnika, 1978. – 635 p. (in Belarusian)
- Demina L. V.** Sovremennye podhody k izucheniyu svadebnogo fol'klora v Zapadno-Sibirskom Zaural'e [Modern approaches to studying of wedding folklore in the West Siberian Trans-Ural region] // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Herald of the Volgograd State Pedagogical University]. – 2008. – № 5 (29). – P. 150–154. (in Russian)
- Demina L. V.** Pesennaya kul'tura russkogo naseleniya yuga Tyumenskoj oblasti [Song culture of the Russian population of the South of the Tyumen region]. – Tyumen': Titul, 2013. – 284 p. (in Russian)
- Dobrovol'skij V. N.** Smolenskij ehtnograficheskij sbornik, ch. 2 [Smolensk ethnographic collection, part 2]. – SPb.: Tipografiya S.N. Hudyakova, 1893. – 443 p. (in Russian)
- Dovnar-Zapol'skij M. V.** Belorusskaya svad'ba i svadebnye pesni [Belarusian wedding and wedding songs]. – Kiev: Tipografiya A. Davidenko, 1888. – 38 p. (in Russian)
- Zelenin D. K.** Vostochnoslavyanskaya ehtnografiya [East Slav ethnography]. – M.: Nauka, 1991. – 511 p. (in Russian)
- Leonova T. G.** Vzaimodejstvie fol'klornyh tradicij v sibirskih selah so smeshannym naseleniem [Interaction of folklore traditions in the Siberian villages with the mixed population]. // Fol'klor i literatura Sibiri [Folklore and literature of Siberia]. – Omsk: Om. ped. in-t im. A. M. Gor'kogo, 1974. – P. 3–23 (in Russian)
- Leonova T. G.** Tradicii belorusskoj svad'by v selah Omskogo Priirtysh'ya [Traditions of the Belarusian wedding in villages of the Omsk Irtysh area]. // Slavyanskije chteniya. Vyp. VII-VIII [Slavic readings. Issue 7-8]. – Omsk: Izd-vo Om. gos. univ., 2001. – P. 93–98. (in Russian)
- Malahova E. P.** Fol'klor sibirsko-belorusskoj sem'i v smene ee pokolenij: konec XIX – nachalo XXI v. [Folklore of the Siberian-Belarusian family in change of its generations: the end of XIX – the beginning of the 21st centuries]: author's abstract. dis. ... cand. philol. sciences. – Chelyabinsk, 2008. – 186 p. (in Russian)
- Nikol'skij N. M.** Proiskhozhdenie i istoriya belorusskoj svadebnoj obryadnosti [Origin and history of the Belarusian wedding ceremonialism]. – Minsk: Izd-vo AN BSSR, 1956. – 273 p. (in Russian)
- Romanov E. R.** Belorusskij sbornik. Vyp. 8–9. Byt belorusa. Slovar' uslovnih yazykov [Belarusian collection. Issue 8–9. Life of the Belarusian. Dictionary of conditional languages.]. – Vil'na: Tipografiya A.G. Syrkina, 1912. – 723 p. (in Russian)
- Zaharava V.A.** (ed). Paleskae vyaselle [Wedding in Polesia]. – Mn.: Universitehckae, 1984. – 303 p. (in Belarusian)
- Svetacheva U. V.** Duhovnaya kul'tura belorusskikh pereselencev po materialam ehtnograficheskoi ehkspedicii Minusinskogo muzeya im. N.M. Mart'yanova 2017 g. [Spiritual culture of the Belarusian migrants on materials of an ethnographic expedition of the Minusinsk museum of N.M. Martyanov of 2017]. // Polevye issledovaniya na Altae, v Priirtysh'e i Verhnem Priob'e (materialy XIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii, Gorno-Altajsk, 24-27 aprelya 2018 g.) [Field researches in Altai, in Priirtyshje and the Top Priobye]. – Gorno-Altajsk: Gorno-Altajskij gos. univ., 2018. – P. 279–283. (in Russian)
- Tyapkova T. K.** Svad'ba belorusskikh pereselencev v Sibiri kak harakteristika ehtnicheskogo svoeobrazija [Wedding of the Belarusian migrants in Siberia as characteristic of an ethnic originality]. // Tradicionnaya kul'tura belorusov vo vremeni i prostranstve [The traditional culture of Belarusians in time and space]. – Mn: Belaruskaya navuka, 2013. – P. 64–67. (in Russian)
- Fedaroy'ski M.** Lyud belaruski. Vyaselle. [Belarusian people. Wedding.]. – Mn.: Polymya, 1991. – 142 s. (in Belarusian)
- Fedorov R. Yu.** Transformacii ehtnicheskogo samosoznaniya u potomkov belorusskikh krest'yan-pereselencev Sibiri i Dal'nego Vostoka [Transformations of ethnic identity in descendants of Belarusian peasants-migrants in Siberia and the Far East]. // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]. – 2017. – № 423. – P. 187–195. (in Russian)
- Fetisova L. E.** Belorusskie tradicii v narodno-bytovoj kul'ture Primor'ya [The Belarusian traditions in the national and household culture of Primorye]. – Vladivostok: Primor. kraevaya organizaciya Dobrovol'nogo obshch-va lyubitelej knig Rossii, 2002. – 240 p. (in Russian)
- Leonova N. V.** (ed). Fol'klor belorusov Sibiri i Dal'nego Vostoka. – Ch. 1: Semejno-obryadovye pesni i prichitaniya [Folklore of Belarusians of Siberia and Far East. Part 1.: Family and ceremonial songs and lamentations.]. – Novosibirsk: Nauka, 2011. – 548 p. (in Russian)

Fursova E. F. Tradicionno-bytovye osobennosti kul'tury belorusov-pereselencev konca XIX – nachala XX v. (po materialam etnograficheskikh ehkspeditsij) [Traditional and household features of culture of Belarusian migrants of the end of XIX – the beginning of the 20th century (on materials of ethnographic expeditions)]. // *Belorusy v Sibiri* [Belarusians in Siberia]. – Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2000. – P. 102–124. (in Russian)

Fursova E. F. Semejno-svadebnye i pogrebal'nye obychai i obryady belorusskikh pereselencev Sibiri [Wedding and funeral customs and ceremonies of the Belarusian immigrants of Siberia]. // *Belorusy v Sibiri: sohranenie i transformacii etnicheskoj kul'tury* [Belarusians in Siberia: preservation and transformations of ethnic culture]. – Novosibirsk: Izd-vo Instituta arheologii i etnografii SO RAN, 2011. – P. 50–87. (in Russian)

Fursova E. F. Osobennosti svadebnyh obryadov sibirskih belorusov konca XIX–XX v. (po polevym materialam 1991, 1994 gg.) [Features of wedding ceremonies of the Siberian Belarusians of the end of the 19–20th centuries (on field materials 1991, 1994)]. // *Etnografiya Altaya i sopredel'nyh territorij. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Ethnography of Altai and adjacent territories. Proceedings of the international conference.]. Barnaul: Barnaul'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 2008. – P. 341–344. (in Russian)

Chistov K. V. Tipologicheskie problemy izucheniya vostochnoslavyanskogo svadebnogo obryada [Typological problems of studying of an East Slavic wedding ceremony]. // *Problemy tipologii v etnografii* [Typology problems in ethnography]. – M.: Nauka, 1979. – P. 223–230. (in Russian)

Shejn P. V. Materialy dlya izucheniya byta i yazyka russkogo naseleniya Severo-Zapadnogo kraja. Tom. 3. [Materials for studying of life and language of the Russian population of the Northwest region. Vol. 3.] – SPb.: Tipografiya Imperatorskoj akademii nauk, 1902. – 535 p. (in Russian)

Chistov K. V. (ed). *Etnografiya vostochnyh slavyan. Oчерki tradicionnoj kul'tury.* – M.: Nauka, 1987. – 558 p. (in Russian)

Fedorov R. Yu., Candidate of Philosophy, Senior Researcher.

Tyumen Scientific Centre SB RAS.

St. Malygina, 86, Tyumen, Russia, 625026.

E-mail: r_fedorov@mail.ru